
ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

От редакции

Дорогие читатели! Мы продолжаем публиковать отдельные главы из сочинения «Vita» Г. Сузо, в которых подробно описываются его созерцания, аскетическая практика, странствия и излагается его мистагогическое учение, представляющее собой новый этап в развитии доктрины Иоанна Экхарта. – Перевод осуществлен по изданию: *Seuse H. Deutsche Schriften / Hrsg. von K. Bihlmeyer. Stuttgart, 1907.* Перевод и вступление выполнены постоянным автором нашего журнала доктором философских наук М.Ю. Реутиным.

СТРАНСТВИЯ И ИСКУШЕНИЯ Г. СУЗО

М.Ю. РЕУТИН

*Институт высших
гуманитарных исследований
при Российском
государственном
гуманитарном
университете*

e-mail: mreutin@mail.ru

От переводчика

Генрих Сузо (Suso, нем. Зойзе: Heinrich Seuse) родился в 1295 / 1297 г. в день св. Бенедикта (21. 03) в Констанце либо его окрестностях. Принадлежал по отцу к рыцарскому роду фон Берг, хотя всю жизнь называл себя в честь своей матери и ее рода Зойзе (свн. Sus, Süs). Тринадцатилетним подростком в 1308 / 1310 г. в поступил в доминиканский Островной монастырь Констанца. Поскольку поступление в доминиканские монастыри до 15 лет было, как правило, запрещено и допускалось лишь в исключительных случаях, с разрешения местного провинциала, родители Сузо передали в монастырь дары, чтобы их сын был принят в число его насельников, несмотря на свой юный возраст. Эти дары стали предметом мучавших молодого монаха сомнений, укорявшего себя и своих родителей в симонии. От этих сомнений Г. Сузо избавил спустя 10 лет Майстер Экхарт, у которого он проходил обучение в Кёльне.

Сузо получил обычное для доминиканцев того времени образование. Год послушничества (т.н. новициат, ок. 1309) завершился пострижением в монахи. За этим последовали 2-3 года базового курса латыни и духовных предметов (Св. Писание, богослужение,

орденские правила и постановления, аскетическая литература, практика). Вслед за базовым начался философский курс (1313 / 1314 – 1318 / 1319): 2-3 года *philosophia rationalis* (аристотелевская логика во всем ее объеме), 2-3 года *philosophia realis* (физика, геометрия, астрономия и аристотелевская метафизика). Длительный курс, во время которого изучались Библия и «Сентенции» Петра Ломбардского, был, по-видимому пройден Сузо в орденской школе (*Studium particulare*) Констанца или Страсбурга. Обучение он завершил в высшей орденской школе Кёльна (*Studium generale*, 1323 / 1324 – 1327), где имел наставником самого Иоанна Экхарта, оказавшего на него сильнейшее влияние.

В 1326 / 1327 г. Г. Сузо возвращается в родной Констанц, где с некоторыми перерывами провел следующие 20 лет своей жизни. Теперь он – лектор Островного монастыря, на него возложена обязанность обучать монастырскую братию. Впрочем, между 1329 – 1334 гг. (скорее всего в 1330) он снимается с этой должности во время генерального и провинциального капитула доминиканцев в Маастрихте, где его обвинили в ереси в связи с написанием и распространением «Книжицы Истины», своего рода «апологии» Майстер Экхарта, в которой последовательно проводилась попытка его воцерковления и ортодоксальной интерпретации. В это время Г. Сузо исполняется 40 лет. В его жизни и духовной практике происходят существенные изменения. Об этих изменениях свидетельствует красноречивая сцена с тряпкой для ног, таскаемой собакой («Vita», гл. 20). Г. Сузо переходит от аскетических подвигов, едва не стоивших ему жизни, к культивированию мистического бесстрастия во внешних страданиях, которые понимаются как посланные Богом с целью его очищения и спасения. Концепция бесстрастия (*gelassenheit*), пришедшая на смену отрешенности (*abgescheidenheit*) И. Экхарта (хотя Сузо время от времени использует и экхартовский термин) позаимствована констанцким экстатиком у древних пустынных Фиваиды, почитаемых и православием. Тем не менее, в нее вобран мистический опыт самого Сузо и она не лишена его личных модальностей. С этого момента жизнь Г. Сузо меняется решающим образом. Вместо того, чтобы сконцентрироваться на Островном монастыре и его внутреннем пространстве, вести отшельническую жизнь, он отправляется в дальние и часто опасные поездки с миссионерскими и проповедническими целями. Он являет себя миру и принимает участие в событиях того времени. Вероятно, этот новый опыт изменил его отношение к аскетической практике.

Политическая ситуация этого времени, как она отразилась на жизни в Констанце, была крайне сложна и стремительно менялась: в 1342 г. в Констанце поднялось восстание цехов против господствующего патрициата, в 1343 г. неурожай привел к голоду, к тому же городу угрожало и наводнение. По-видимому, как раз в это время Г. Сузо избирают в приоры Констанцкого конвента. Однако в это время, в 1242 – 1243 гг. он уже находился вне города. Как решительный противник императора Людвига Баварского и открытый сторонник папы он уезжает вследствие интердикта вместе с монастырской братией из Констанца в г. Диссенхофен (к монахиням-доминиканкам в монастырь Катариненталь или в Шоттенклостер, лежащий пред воротами города) и живет там между 1338 / 1339 – 1346 / 1349 гг. Видимо, в 1346 г. он возвращается в Констанц.

По возвращении в Констанц Г. Сузо посвящает себя старческому служению: принимает мирян, окормляет бегинажи, посещает женские доминиканские конвенты, исповедует и проповедует, причем не только в монастырях и церквях, но и в камерной обстановке частных домов («Vita», гл. 41). Все это время он предаётся постоянным и многочисленным созерцаниям. На этот период приходится, пожалуй, самое тяжелое испытание, выпавшее на долю Г. Сузо: одна из его ближайших духовных дочерей, принимавших участие в ведении его домашнего хозяйства, обвиняет Сузо отцовстве своего внебрачного сына. Распространяется молва, часть прежних сторонников и поклонников Сузо из числа т.н. «Божьих друзей» отворачивается от него, в том числе и наиболее известный из них, священник Генрих Нёрдлингенский, писавший в послании рубежа 1347 / 1348 гг. доминиканской визионерше Маргарет Эбнер об изменении своего бывшего отношения к некогда несомненному авторитету. Вследствие указанных обстоятельств Сузо переводится в одну из обителей г. Ульма. В это время Островной монастырь посещают с визитациями генерал Ордена и провинциал Тевтонии. На проходившем в Констанце провинциальном капитуле 1354 г. подтверждается невиновность констанцкого мистика.

Если задаться вопросом, какой деятельности посвятил себя Г. Сузо во время своего 20-летнего пребывания в Констанце, то, на основе его собственных свидетельств, можно

сказать следующее. В 1-ой половине XIV в. доминиканский орден отнюдь не переживал своего расцвета. Повсеместно происходит выветривание первоначального орденского идеала, и это, прежде всего, касается идеала бедности и образовательного стандарта. Исчезает былая строгость, отмечаются частые случаи пренебрежения орденским уставом, чему, помимо прочего, способствовали и дарованные Ордену привилегии, выведшие доминиканские конвенты из юрисдикции местных церковных властей. Исходя из очевидного для него понижения общего уровня внутри-орденской духовной жизни, Г. Сузо определяет круг своих задач: он посвящает себя cura animarum, имея в виду орденскую реформу в духе первоначальных статутов. Этой цели служили его кураторские поездки в Швейцарию, Эльзас и в окрестности Рейна, в ходе которых Г. Сузо посещал многочисленные женские доминиканские монастыри Катариненталь (ок. Диссенхофен), Отенбах (ок. Цюриха), Адельхаузен (ок. Фрайбурга), Унтерлинден (ок. Кольмара), но, прежде всего, монастырь Тёсс (ок. Винтертура), где проживала любимая духовная дочь Г. Сузо Элизабет Штагель, которую он окормлял с момента ее поступления в обитель в середине 30-х гг. до ее смерти в 1360 г. ... Общался Сузо и со своими братьями по ордену, членами реформаторского мистического движения «Божьих друзей»: Иоанном Футерером из Страсбурга, Иоанном Таулером и приходским священником Генрихом Нердлингенским.

Условия жизни Г. Сузо в Ульме, где он прожил с 1347 / 1348 г. вплоть до своей смерти, едва ли сильно отличались от условий его жизни в Констанце. Он предпринимал миссионерские и пастырские поездки, редактировал свои сочинения, из которых составил кодекс, т.н. «Exemplar». В «Exemplar» входят четыре сочинения Г. Сузо: 1) автобиография «Vita», 2) мистический трактат «Книжица Вечной Премудрости», 3) ранняя «апология» И. Экхарта «Книжица Истины» и 4) «Книжица писем». За пределами составленного Г. Сузо кодекса остались: 1) «Большая книга писем» (сокращенная редакция которой размещена в «Exemplar»'е), 2) четыре проповеди (по поводу авторства двух из них имеются некоторые сомнения), 3) сочинение «Часослов Мудрости» (Horologium Sapientiae), представляющее собой сильно расширенную латинскую версию «Книжицы... Премудрости». Кроме того, известна 4) «Книжица Любви», созданная либо самим Сузо, либо в ближайшем его окружении «Божьих друзей». – Последние годы жизни Г. Сузо документированы крайне скудно. Известно, впрочем, о его дружбе и духовной близости с бенедиктинцем Вальтером Бибра из обители Виблинген. Г. Сузо умер 25. 01. 1366 г. в Ульме и был погребен в церкви проповедников. Само место захоронения Г. Сузо свидетельствует о его высоком авторитете в пределах доминиканского Ордена. Вскоре после его кончины было установлено его местное почитание. 16. 04. 1831 Г. Сузо был причислен папой Григорием XVI к лику блаженных.

Глава XXIII. О многообразных страданиях

Однажды он подошел к одному городку. А недалеко от города находилось деревянное изображение, распятие. Вокруг него был по обыкновению выстроен домик. И люди считали, что там случаются многие знамения. Поэтому они приносили туда восковые картинки, много кусочков из воска и там вешали их Богу во славу. Приблизившись к распятию, он приступил к нему и преклонил перед ним колени, а, помолвившись некоторое время, поднялся и вышел вместе со своим спутником на постоялый двор. Сие коленопреклонение и сию молитву, что он сотворил пред распятием, видела маленькая девчушка, ребенок семи лет. Ночью к изображению пришли воры, взломали двери и украли весь воск, который обнаружили там. Когда наступил день, по городу распространилась об этом молва и достигла горожанина, присматривавшего за этим изображением. Тот стал расспрашивать, [желая узнать], кто сотворил сию великую кражу. Тогда упомянутая девчушка сказала, что она-де знает наверное, кто это сделал. Когда же к ней приступили, чтобы она открылась и указала на злодея, она отвечала: «В этом преступлении виновен никто иной, как сей брат (имея в виду Служителя), ибо, – продолжала она, – я вчера поздним вечером видела, как он преклонял пред изображением колени, а потом направился в город». Сказанное ребенком горожанин принял за чистую правду и принялся об этом везде говорить, так что злая клевета на брата пошла гулять по всему город-

ку, и он был обвинен в низком деянии. Стали вынашивать нехорошие замыслы – как бы его уличить и извести как кощунника. Едва Служитель услышал эти наветы, его охватил ледяной ужас, поскольку никакой вины за собой он не знал. И он с глубоким вздохом обратился к Богу: «Ах, Господи, раз уж мне надлежит и предстоит пострадать, пошли мне страдания обычные, чтобы они меня не бесчестили, их бы я радостно перенес. Ты же пронзаешь мне сердце тем, что пятнает мою честь, и это причиняет мне величайшую боль!» Он оставался в городке, пока молва о нем не улеглась.

А вот что случилось в ином месте: там из-за него поднялся большой шум, так что толки о нем пошли по всему городу и окрестностям. В городе был монастырь, в нем имелось изображение из камня, распятие. И было оно, как рассказывают, по своим размерам ровно таким, каким был Христос. Однажды во время поста на этом самом изображении обнаружили свежую кровь, под язвой на проткнутом боку. Служитель побежал вместе с другими, дабы узреть сие чудо. Увидав кровь, он приблизился вплотную [к распятию] и дотронулся до крови пальцем, так что все стоявшие кругом это увидели. Со всего города стеклось великое множество народа, и от него потребовали, чтобы он открыто, стоя пред всем миром, сказал, что он увидел и до чего он дотронулся. Так он и сделал и рассказал, однако, из осторожности, не вынес никакого решения о том, была ли то кровь Бога или человека. Сие он предоставил другим.

Сия история звучала в тех землях повсюду, и каждый к ней добавлял, что только хотел. Безо всякого основания утверждалось, что он-де сам себе наколол палец и кровью измазал распятие, дабы казалось, что изображение кровоточит само по себе, сам вызвал скопление народа из алчности, чтобы вытянуть у людей их добро. Эти злые сплетни о нем рассказывались также в прочих местах. Когда жители того самого города поверили в сию великую ложь, ему пришлось ночью из него убежать. Его преследовали, и, если бы ему не удалось спастись бегством, то его бы убили. Предлагались хорошие деньги тому, кто доставит его живым или мертвым. Эта и подобные ей небывлицы рассказывались постоянно о нем. Едва они возникали, их тотчас принимали за правду, а на его имя сыпались хулы и проклятья; о нем было составлено превратное мнение... Некоторые, правда, кто его знал, оставались в здравом уме. Но едва они заявляли, что он невиновен, их грубо обрывали, и они были вынуждены замолчать, бросить его на погибель. Одна почтенная горожанка того самого города, услышав обо всех этих тягостных и чудесных событиях, что бедный-де человек безвинно страдает, из сочувствия навестила его в бедственном положении и подала ему такой вот совет: если Служитель тронется в путь, пусть город выдаст ему закрепленное печатью письменное заверение в его невинности, ибо многим в городе было известно, что он невиновен. Тогда он сказал: «Ах, любезная государыня, если бы такое страдание было одно и не было больше других, тех, что Бог мне уготовал, то я, конечно, защитил бы себя письменным заверением. Но так как страданий, подобных этому, выпадающих мне ежедневно, огромное множество, то мне не останется ничего другого, как предоставить сие на усмотрение Божие и не пытаться чего-либо сделать».

Однажды он отправился вниз по Рейну в Нидерланды на некий капитул. А там для него было уже приготовлено новое испытание, ибо два видных брата выступили против него и весьма усердствовали в том, чтобы жестоко его опечалить. С трепещущим сердцем Служитель предстал пред судом, и ему были предъявлены многие обвинения, а среди них вот какое. Они утверждали, что он сочиняет книги, в которых содержится ложное учение, его же еретическими нечистотами загрязнена вся страна. С ним говорили об этом очень сурово и в самых жестких словах, угрожая навлечь на него тяжкие беды, хотя Бог и мир знали, что он в том невиновен¹. Сими тяжкими напастьями Бог не удовлетворился и умножил их грудю. На обратном пути Он послал ему хворь, и у Служителя открылась сильная горячка. К тому же где-то внутри, в области сердца, назрел опасный нарыв. И таким образом через то и другое, внутреннюю тесноту и внешнюю тяготу, он вплотную приблизился к смерти, так что никто не надеялся на его исцеление. А его попутчик то и дело поглядывал на него, чтобы увидеть, когда его покинет душа.

Когда Служитель, страдая, лежал в постели в каком-то незнакомом конvente и никак не мог уснуть ночью из-за болей, причиняемых свирепой болезнью, он начал сводить счета с

---

¹ Речь идет о генеральном и провинциальном капитуле доминиканцев в Маастрихте, состоявшемся между 1329 и 1334 гг. (скорее всего в 1330 г.), на котором Г. Сузо был обвинен в ереси в связи с написанием и распространением «Книжицы Истины», своего рода апологии Майстера Экхарта.

Богом и говорил [Ему] так: «Ах, праведный Боже, вот Ты обременил больное мое естество горьким страданьем и пронзил мое сердце выпавшим на мою долю бесчестьем и великим позором, так что снаружи и изнутри я окружен горькой нуждой. Когда же Ты прекратишь, милостивый Отче, так со мной поступать? Когда же Тебе будет достаточно?» И он вспомнил в сердце своем о том смертельном страхе, который испытал Христос на Масленичной горе. В сем созерцании он переполз из постели в кресло, стоявшее пред постелью, и оставался сидеть в нем, ибо не мог из-за нарыва лежать. И вот, пока он так, в страдании, сидел, ему явилось в видении, что к нему в комнату вошла великая толпа небесных насельников, чтобы принести ему радость. Небесная толпа воспела райскую хороводную песнь. В его ушах она звучала столь сладостно, что преобразилось все его естество. Насельники весело пели, хворый Служитель сидел, погруженный в печаль. И вот, к нему подошел один юноша и весьма приветливо обратился к нему: «Почему ты молчишь? Отчего не поешь вместе с нами? Ты же хорошо знаешь сию небесную песнь!» А Служитель отвечал, в воздыхании своего печального сердца, и говорил ему так: «Ах, ты разве не видишь, как мне скверно? Как веселиться человеку на смертном одре? Неужели мне петь? Я нынче пою песнь страданий. Если я некогда радостно пел, то сие давно миновало, ибо я ожидаю час своей смерти». Тут юноша весело ему говорит: «Viriliter agite! Держись и будь радостен. Ничего с тобой не случится, в свое время ты еще споешь подобную песнь, так что Бог в Своей вечности будет ею прославлен, да и иной страждущий человек будет утешен». Очи Служителя увлажнились слезами, и он разразился рыданиями. В тот же час нарыв, бывший внутри, прорвался и истек из него, и Служитель сразу поправился.

После этого, когда он возвратился в свой монастырь, к нему пришел некий блаженный друг Божий и сказал ему так: «Любезный государь, хотя случилось так, что Вы, совершая свой путь, находились от меня больше, чем за сотню миль, мне довелось стать подлинным свидетелем Вашего страдания. Однажды я узрел моим внутренним взором божественного Судию, восседающего на Своем троне, и по Его попущению была дана власть двум духам зла докучать Вам чрез двух видных [братьев], причинивших Вам скорбь. Тогда я воззвал к Богу и сказал: “Ах, милостивый Боже, как Ты смог попустить, чтобы Твой друг претерпел сие великое и горестное испытание?” Тогда Бог отвечал и сказал: “Для этого Я его Себе и избрал, чтобы он таким образом – посредством страдания – был преобразен по подобию Моего едиnorodного Сына. И все-таки, согласно Моей справедливости, великая неправда, что ему причинили, должна быть отомщена скорой смертью оных двух [братьев], которые его истязали”». Сие и вправду вскоре случилось и стало многим людям известно.

Глава XXV. О тяжком страдании, выпавшем ему по вине одного из его сотоварищей

Однажды, когда Служителю надо было отъехать, ему дали спутника, брата из мирян, а тот был слегка не в себе. Служитель согласился неохотно, ибо частенько вспоминал, как много всего скверного ему пришлось вынести от собратьев, но все-таки сдался, и взял его с собой.

И вот, так получилось, что они пришли в какую-то деревню, еще до ранней трапезы, а в тот день была ярмарка, и туда стеклось множество народа. Его спутник весь вымок из-за дождя и ушел в дом погреться у огня, сказав, что оттуда никуда не пойдет: пусть брат делает все без него, что ему нужно сделать, а он его подождет в доме. Как только Служитель вышел из дому, его сотоварищ отошел от огня и присел к каким-то батракам и торговцам, которые также пришли на ярмарку. Как только они увидели, что вино ему ударило в голову, что он поднялся и стоит во вратах, глаза вокруг, они схватили его и сказали, что он-де украл у них голову сыра. Покуда злодеи вытворяли все это с ним столь ужасным образом, пришли четыре или пять чудовищного вида наемных солдат. Те тоже набросились на него, заявив, что злобный монах – отравитель, ибо сие случилось в те времена, когда ходили толки о яде². Они скрутили его и подняли страшный шум, и шум этот был слышен всем и повсюду. Увидев, что

² Имеются в виду 1348 – 1350 гг., когда по Европе распространялась эпидемия чумы, т.н. «Черная смерть».

пойман, а также к чему клонится дело, и желая выгородить себя, он пошел на попятную и сказал им так: «Подождите немного, постойте и дайте сказать: я хочу признаться и открыть вам, как сие получилось, ибо это весьма скверное дело». Они остановились и начали со вниманием слушать, а он стал им рассказывать вот что: «Поглядите на меня повнимательней и подумайте сами: я – простец и невежда-мужлан, на меня не обращают внимание. Но собрат мой... о, он – мудрый и опытный муж, ему Орден доверил мешочек с отравой, и он должен его погружать в колодцы по всей этой стране, отсюда и вплоть до Эльзаса, куда он теперь направляется. И куда бы он ни явился, он хочет все замарать злою отравой. Смотрите, дабы ему поскорее оказаться в ваших руках, а не то посеет он смерть, от которой не будет спасения. Он только сейчас забрал с собою мешочек и погрузил его в деревенский колодец, чтобы уморить всех, кто придет сюда на базар и будет пить из него. Потому я и остался и не пожелал идти вместе с ним, ибо мне это претит. А во свидетельство тому, что я не вру, да будет вам ведомо вот что. У него с собой огромный мешок для книг, и этот самый мешок заполнен кулками с отравой и многими гульденами, которые он и Орден получили от жидов, чтобы учинить эту погибель». Едва услышав сказанное, сей дикий люд, а равно все те, что сошлись и теснились вокруг, пришли в неистовство и завопили громкими голосами: «Все за убийцей, дабы ему от нас не уйти!» Один схватился за копье, другой за секиру, каждый взял то, что было сподручней, и все бросились за ним со свирепыми воплями, вламываясь в дома и в кельи, где надеялись его отыскать, протыкали голыми мечами кровати и кучи соломы. Вся ярмарка была на ногах. Но в деревню также пришли посторонние, достойные доверия люди, они достаточно знали Служителя. Услышав, что упоминается его имя, они заступились за него и сказали, что он оклеветан, что он – весьма благочестивый человек и никогда не пойдет на такое убийство. Нигде не обнаружив Служителя, они оставили поиски, но привели его спутника связанным к деревенскому фогту, и тот приказал его бросить в темницу. Сие продолжалось, пока не стало совсем светло.

О том, что случилось, Служителю было ничего не известно. Когда, как ему показалось, настало время еды, и он полагал, что его спутник вполне обогрелся и уже высушил одежду возле огня, Служитель вернулся, чтобы приступить к постной трапезе. Едва он пришел на постоялый двор, к нему приступили и поведали печальную новость о том, что случилось. С сердцем, замиравшим от ужаса, он тотчас направился в дом, где находились его спутник и фогт, и стал упрашивать фогта за своего спутника, чтобы того отпустили. Фогт, однако, сказал, что сие невозможно и что из-за проступка, совершенного им, он намерен заключить его в башню. Для Служителя это было тяжело и невыносимо. Он бросился в поисках помощи, но не нашел никого, кто бы его поддержал. Лишь после долгих стараний, с великим позором и испытав горькое унижение, он сумел, наконец, выволить своего спутника из беды, заплатив за него хорошие деньги.

Служитель было надеялся, что на том его страданья и кончатся, но они только начались. Ибо, лишь он со скорбью и великим трудом избавился от власти предрержавших, угроза нависла над самой его жизнью. К тому времени, когда он вышел от фогта – а уже стало смеркаться, – среди подлого люда и батраков распространилась молва, что он-де – разносчик отравы. И они поносили его как убийцу, так что Служитель уже не надеялся покинуть деревню. На него указывали и говорили: «Смотрите все, вот – отравитель, он скрывается от нас целый день, его нужно убить! Пфенниги теперь ему не помогут, как в случае с фогтом!» Когда же он задумал от них убежать и уклониться в деревню, они стали вопить пуще прежнего. Часть из них предлагала: «А что, если утопить его в Рейне» (ибо Рейн протекал вдоль деревни), другие кричали: «Нет, грязный убийца загрязнит воду повсюду, давайте его лучше сожжем!» Один громадный детина в куртке, перепачканной сажей, схватив копье, стал пробиваться через толпу и [при этом] кричал: «Послушайте меня, господа, все, кто здесь собрался! Для этого еретика мы не придумаем смерти, более позорной, чем если я пропущу сквозь него это длинное копье, как убивают ядовитую жабу. Дайте же мне этого отравителя голым насадить на копье и приподнять его задницей кверху, взвалить на крепкую изгородь и там закрепить, чтобы он не свалился. Пусть скверная дохлятина подвялится на ветру, чтобы весь мир, когда будет проходить мимо, мог поглазеть на убийцу и потешиться над ним уже после его жалкой смерти, чтобы быть ему проклятым в этом мире и в том, ибо мерзавец этого воистину заслужил». Вот что услышал несчастный Служитель с таким ужасом и тяжкими вздохами,

что у него от страха потекли по лицу огромные слезы. Все люди, собравшиеся вокруг и взиравшие на него, стали горько рыдать, иные же били себя в грудь возле самого сердца и хлопали в ладоши над головой, но никто не отваживался вымолвить [в его защиту] хотя бы единое слово, ибо опасались, что на них нападут. Поскольку время приближалось к ночи, он стал ходить по деревне и просил со слезами в очах, не сжалится ли над ним кто-нибудь, приютив ради Бога, но его отовсюду грубо прогоняли. Иные добросердечные женщины его охотно бы приютили, однако не решались на это.

И вот, когда несчастный страдалец находился в смертельной тоске, от него была отнята всякая помощь людей, и приходилось лишь ждать, скоро ли на него нападут и предадут лютой смерти, он пал от скорби и смертельного страха на землю подле какой-то ограды и поднял свои исполненные горя, опухшие от плача глаза к Отцу в небесах и вымолвил так: «Ах, Отче всякого милосердия, когда же ныне Ты придешь мне на помощь в моей великой тоске? Милостивое сердце, как же Ты позабыл о великом Своем благоволении ко мне? О, Отче, Отче праведный и скорый на помощь, помоги мне, бедному, в сей великой напасти! Не умею в моем, уже омертвевшем, сердце решить, что для меня будет тягостней: быть ли утопленным, сожженным или нанизанным на копье, придется принять одну из этих смертей. Предаю ныне Тебе скорбный мой дух. Спаси же меня, сжалившись, от сей печальной кончины, ибо они уже обступили меня³, те, что хотят предать меня смерти!» Сию-то исполненную скорби молитву услышал некий священник. Он прорвался к нему и вырвал его из их рук, отвел в дом и оставил там его на ночь, так что с ним ничего не случилось, а утром помог уйти ему прочь от опасности.

Глава XXVI. О разбойнике

Однажды Служитель шел из Нидерландов к верховьям Рейна. С ним был молоденький спутник, прекрасный ходок. И вот как-то случилось, что он не мог поспеть за своим быстрым товарищем, так как утомился и был не здоров. Спутник опередил его на целых полмили. Служитель оглянулся назад – не видать ли кого, с кем бы можно было пройти через лес, к которому он уже подошел совсем близко, ибо день был на исходе. Лес же был велик и опасен: в нем было убито много народу. Он тихо стоял на опушке, дожидаясь, не пройдет ли кто-либо. Подошли два человека, и шли они очень быстро. Одним из них оказалась молодая, опрятная женщина, другим – здоровенный и свирепый мужлан, с копьем и длинным ножом. На нем была черная куртка. Служитель испугался его страшного вида и принялся озираться, не идет ли кто у них позади, но никого не увидел. Ему подумалось: «О, Господи, что это за человек? Как бы мне, пока еще день, пройти через этот огромный лес! Что будет нынче со мною?» Он осенил свое сердце крестным знамением и решился.

Когда они вошли в лес и изрядно углубились в него, к нему подошла женщина и спросила: кто он и как его звать. Он ей назвал свое имя. Она же сказала: «Любезный государь, мне Ваше имя знакомо, я прошу Вас принять у меня исповедь». Она начала исповедоваться и сказала: «Увы, добродетельный муж, должна Вам признаться, что со мной приключилось большое несчастье. Видите Вы молодца, что идет вслед за нами? Это настоящий разбойник. Он убивает людей в здешнем лесу и повсюду вокруг, забирает их деньги и платья, никого не щадя в этом мире. Он обманом увел меня от моих почтенных друзей, и теперь я должна ему быть женою». Услышав такие слова, Служитель пришел в неопиcуемый ужас, так что едва не лишился всех чувств, и весьма скорбным взором обвел место, где они находились: не увидит ли он или не услышит кого-то, или, может статься, приметит какой-нибудь путь, дабы им убежать. Но в темном лесу он никого не видел, не слышал, разве что только разбойника, идущего у него за спиной. Тогда он подумал: если бежать, то тебя, такого усталого, он вскоре догонит и предаст смерти, если кричать, то никто в этой пустыне тебя не услышит, и ты будешь обречен опять-таки на смерть. Возведя горе скорбный взор, он изрек: «Ах, Боже, что же будет ныне со мною? О, кончина, как близка ты ко мне!» Исповедовавшись, женщина отошла вспять к душегубцу и тихонько попросила его: «Эй, любезный приятель, пойд и ты, испове-

³ Ср.: Пс. 21, 12.

дуйся. У нас дома его весьма почитают [и верят]: кто ему исповедуется, как бы грешен он ни был, того Бог ни за что не оставит. Потому исполни сие, может статься, Бог ради него придет на помощь тебе, когда и ты будешь испускать последний свой вздох». Пока они так шептались друг с другом, Служитель испугался вконец и подумал: «Ты предан!» Молча, разбойник начал к нему приближаться. Увидев, что убийца с копьем подступает к нему, несчастный Служитель весь задрожал, все его естество возмутилось, и он подумал в себе: «Ну вот, теперь ты потерян», ибо не ведал, о чем они говорили. Место же там было такое. Рейн протекал вниз по долине неподалеку от леса, по самому берегу бежала тропинка. По приказу разбойника, брат пошел подле воды, а сам он зашагал около леса. Когда Служитель немного прошел в трепете сердца, разбойник принялся ему исповедоваться и признался во всех убийствах и злодеяниях, которые сотворил. Но особо подробно он поведал об одном свирепом убийстве, так что у Служителя обмерло сердце, сказав ему так: «Как-то раз пришел я в сей лес ради убийства, как то сделал и ныне. Тут подошел ко мне один достопочтенный священник, и я ему исповедался. Священник шел возле меня, прямо тут, где идете и Вы. Едва исповедь завершилась, – продолжил разбойник, – я выхватил этот вот нож, бывший у меня за поясом, и насквозь продырявил его, а потом столкнул с берега в Рейн».

Сия речь, да и ужимки убийцы так перепугали и привели в такое оцепенение Служителя, что ледяной пот предчувствия смерти залил ему все лицо и побежал вниз по груди. Он совсем отчаялся и окаменел, лишился почти всех своих чувств и лишь глядел пред собою: когда же в него вонзится сей нож, и удар столкнет его вниз. Сползая от страха на землю и не в силах двинуться дальше, он стал горестно озираться, как человек, который охотно бы избежал смерти. Его перепуганное лицо увидела жена. Она подбежала к нему, подхватила своими руками, дабы он не упал, и, держа его крепко, сказала: «Не бойтесь, добрый государь, он Вас не убьет», а разбойник сказал: «Я услышал о Вас много доброго и Вас пощажу и оставлю ныне в живых. Молите обо мне, несчастном разбойнике, Бога, чтобы в последний мой час Он ради Вас пришел мне на помощь».

Тем временем они вышли из леса. На опушке, под деревом, сидел его спутник и дожидался его. Разбойник со своею товаркой двинулся дальше. Служитель же едва доплелся до спутника и рухнул на землю. Его сердце и все тело дрожали, словно его трясла лихорадка. Он долго и тихо лежал на земле, а, придя в себя, встал и двинулся в путь, молясь с тщанием и глубоким воздыханием за разбойника, да пощадит его Бог ради его благой веры, какую он возымел к Служителю [Божию], и не даст быть ему проклятым, когда он испустит свой дух. Сему он получил заверенье от Бога, и у него не осталось никакого сомнения, что разбойник будет спасен, и Бог никогда его не оставит ради его доброй веры.

Глава XXVII. Как он чуть было не утонул

Однажды по своему обыкновению он отправился в Страсбург, а когда возвращался домой, то упал в одну из бурных проток Рейна, а вместе с ним и его новая книжица, которую он незадолго до того завершил, ее же возненавидел злой дух⁴. Когда его, беспомощного и находящегося в смертельной опасности, стремительно несло вниз по реке, праведным Богом было устроено так, что в это же время неподалеку оказался молодой рыцарь из Пруссии. Сей решился броситься в мутные, бурные воды и избавил его, и заодно его спутника от неминуемой смерти.

Раз как-то он отправился в одно место по послушанию, и было холодно. Целый день до самой ночи, в морозную погоду, на ледяном ветру, без еды протрясшись телеге, они подъехали к каким-то темным водам, стремительным и глубоким, как это бывает после обильных дождей. Слуга, везший его, упустил из внимания, что слишком близко подъехал к обрыву. Телега перевернулась, Служитель выпал из нее, свалился в воду и остался лежать на спине. Вслед за ним рухнула телега и накрыла его, так что он, оставаясь в воде, не мог повернуться ни туда, ни сюда и не мог оказать себе помощи. Так телегу и человека понесло, против воли, далеко вниз по течению к мельнице. Слуга и прочие люди бросились к мельнице, попрыгали в воду, обхватили его и уже хотели было вытаскивать. Но тяжелая телега лежала на нем и то-

---

⁴ По-видимому, речь идет о сочинении Г. Сузо «Книжица вечной Премудрости», написанном между 1328 и 1330 гг.

пила его. Телегу с немалым трудом отвалили, и его, до нитки промокшего, извлекли на берег. Но когда он оказался на берегу, его одежда заледенела на морозе. Он дрожал от холода, так что у него лязгали зубы. Так-то, страдая, он тихо стоял довольно долгое время и, возведя очи к Богу, изрек: «Увы, Боже, что же мне делать и что мне предпринять? Скоро уж ночь, а вокруг нет ни городка, ни деревни, где я бы смог обогреться и утолить голод. Что же мне, умереть? То будет жалкая смерть!» Оглядевшись по сторонам и узрев где-то вдали на горе небольшой хуторок, он, сырой и продрогший, стал взбираться на гору. За этим делом его застала ночь. Он обошел весь хутор, ради Бога прося о ночлеге, но его гнали прочь от домов, никто не хотел над ним сжалиться. Мороз и хлопоты потрясли сердце Служителя, его охватил страх за свою жизнь, и он громким гласом взмолился к Богу: «Господи, Господи, лучше бы Ты дал мне захлебнуться, и все было бы уже позади! Лучше уж так, чем на этой улице умереть от мороза!». Сию жалобу услышал какой-то крестьянин, который перед тем прогнал его прочь. Он над ним сжалился и, взяв его под руку, проводил в свой дом. Там Служитель и провел ночь, скорбя и стеля.

Глава XXVIII. О недолгой передышке от страданий, однажды посланной ему Богом

Бог приучил Служителя вот к чему: когда одно страдание уходило, его тотчас сменяло иное. Так Бог играл с ним без перерыва. И лишь однажды Он позволил ему ходить праздным, впрочем, сие продолжалось недолго.

В это-то праздное время он пришел в один женский монастырь, и духовные чада спросили его, как он поживает. Он отвечал: «Боюсь, что теперь дела мои плохи, и вот почему: вот уж пошла четвертая неделя, как ни моему телу, ни моей чести никто не наносит вреда. И это вопреки тому, к чему я привык. Боюсь, как бы Бог обо мне не забыл». Когда он недолгое время просидел с ними подле окошка, явился один брат из Ордена и, вызвав его, сказал ему так: «Давеча я был в некоем замке, и его господин о Вас спрашивал, где Вы находитесь, – и спрашивал в страшном гневе. Он поднял руку и поклялся пред людьми, что, где б ни нашел, проткнет Вас мечем. Не иначе поступили некоторые жестоковейные воины из его ближайших друзей. Поэтому они уже разыскивали Вас в разных обителях, дабы исполнить на Вас свою недобрую волю. Я предостерег Вас, чтобы Вы береглись, коль Вам дорога Ваша жизнь». Сказанное привело Служителя в ужас, и он сказал брату: «Мне хотелось бы знать, чем я заслужил смерть». Брат отвечал: «Этому господину сказали, что Вы обратили его дочь, как и многих прочих людей, в особую жизнь, которая именуется “дух”, а также что те, кто придерживается сего образа жизни, называются “духовниками” и “духовницами”⁵. Ему сообщили, что это самые беспутные люди из всех, что живут на земле. Более того, там был еще один отступник, сей сказал про Вас так: “Он похитил у меня возлюбленную. Теперь она носит вуаль и даже не хочет взглянуть на меня, а желает глядеть только внутрь себя самое. Он за это поплатится”». Дослушав эту историю, Служитель воскликнул: «Хвала Богу!», и, поспешив к окошку, сказал своим дочерям: «Да пребудет с вами всякое благо, дети мои! Бог вспомнил обо мне, Он не забыл про меня», и поведал им сию скорбную новость о том, как за благодеяние ему хотят воздать злом.

Глава XXXVIII. О весьма жестокой напасти, меж тем поджидавшей его

Таким-то образом приходил он на помощь тому или иному страждущему человеку. Но за доброе дело он должен был жестоко поплатиться мученическим страданием, вскоре после того обрушившимся на него. И на сии грядущие тяготы Бог указал ему так в одном из видений:

Как-то вечером он пришел на постоялый двор. А когда наступил день, то в видении он был возведен в некое место, где собирались петь мессу. И петь сию мессу предстояло ему, ибо жребий указал на него. Певцы начали мессу о мучениках: «*Multae tribulationes justorum*

⁵ Местные названия членов секты «свободного духа».

etc.»⁶, где говорится о разнообразных терзаниях Божиих друзей. Он слушал ее без всякой охоты и с радостью сделал бы так, чтобы она не звучала, и [наконец] он сказал: «Увы, отчего вы оглушаете нас [пением о] мучениках и почему вы сегодня запели о них? Мы же не отмечаем сегодня день мучеников?» Певчие обернулись к нему и, указав на него пальцами, сказали: «Бог найдет для Себя мучеников и в нынешний день, как находил их когда-то. Готовься к нему и воспой о себе!» Он начал листать туда и сюда страницы служебника, лежащего перед ним, и лучше бы спел об исповедниках или о ком-то ином, нежели о преданных на страдание мучениках, но на какую бы страницу ни перелистывал, все было забито одними мучениками. Когда же он увидел, что ничего другого не остается, то затянул вместе с певчими, и его песнь зазвучала очень печально. Некоторое время спустя, воспротивившись, он вновь возвысил свой голос, сказав: «Что за странная штука! Давайте лучше споем “Gaudeamus”, о радостном, чем печальном, о мучениках». Ему отвечали: «Добрый приятель, тебе еще не известно: сначала идет этот напев, о мучениках, а затем, когда исполнится время, за ним следует радостный, “Gaudeamus”».

Едва Служитель пришел снова в себя, его сердце содрогнулось от увиденного, и он изрек: «Увы, Боже, неужели мне опять предстоит пострадать?» Так как в пути он очень грустно вздыхал, его спутник спросил: «Ах, отче, что с Вами случилось, что у вас такой горестный вид?» Он отвечал: «Увы, добрый мой спутник, ныне мне предстоит отслужить мессу о мучениках», имея в виду, что Бог дал ему знать о предстоящем страдании. А спутник этого не уразумел, он же умолк, скрыв в себе свое горе.

После того, как Служитель вернулся в город – это случилось перед самим Рождеством, когда дни были сумрачны, – он по обыкновению был посещен горьким несчастьем, [но на сей раз] столь тяжким, что ему казалось, если судить по-человечески, что сердцу в его теле оставалось лишь разорваться, пусть даже сего никогда не случалось ни с одним страждущим человеком. Невзгоды столь плотно окружили Служителя, что его не ожидало ничего другого, как неминуемая и достойная жалости утрата всего, что ему – в смысле пользы, отрады и чести – служило опорой и что во времени способно порадовать всякого. Горькое страдание состояло вот в чем:

Среди прочих людей, которых он хотел бы обратиться к Богу, к нему заходила одна лживая, коварная особа. Под благообразной внешностью она имела волчье сердце, но скрывала его столь тщательно, что брат сего долгое время не замечал. Прежде она впала с неким мужем в великий грех и соблазн, преумножив свое преступление тем, что отцовство [своего ребенка] приписала не действительно виновному в нем, а другому человеку. Виновник же заявил, что не имеет к этому делу ровно никакого отношения. Служитель не стал наказывать сию дочь за ее прегрешение. Он принял у нее исповедь, а она взялась ему помогать необходимыми, вполне почтенными услугами, [хотя и] в большей мере, чем то заведено у духовных людей той страны, именуемых терминариями⁷. Но когда прошло изрядно времени, Служителю и прочим праведным людям стало известно, что в тайне она продолжает творить те же непотребные дела, что творила и раньше. Он умолчал о том, что знает, и не спешил предавать ее поступки огласке, однако, решил с ней порвать и отказаться от ее услуг. Уразумев сие, жена предупредила его, чтобы он этого не делал, если же он прекратит оказывать ей поддержку, каковой она пользовалась прежде, то за это поплатится: она припишет ему отцовство ребенка, коего прижила с сожителем из мира. Он будет отцом ребенка, и она его так опорочит этим ребенком, что молва о нем пройдет всюду.

Эти слова его испугали, он стоял недвижимо, словно в оцепенении, вздыхая в глубине своего сердца и говоря в себе самом так: «Страх и трепет со всех сторон нашел на меня⁸, и не знаю, куда мне податься. Сделай я это – мне горе. Не сделай я этого – мне опять-таки горе. Я так окружен отовсюду заботой и скорбью, что смог бы в них утонуть». С испуганным сердцем он ожидал того, что позволит Бог диаволу с ним сотворить. [Наконец] посоветовавшись с Богом и с собою самим, он пришел к выводу, что при мучительном выборе между тем, что угрожает душе, и тем, что грозит его телу, будет разумней вовсе порвать с недоброй женой, чем бы то ни грозило его временной славе. Так он и сделал.

⁶ «Многообразны мучения праведных, и т.д.»

⁷ Одно из названий нищенствующих монахов, собиравших милостыню со строго ограниченных, приписанных к тому или иному конвенту территорий (termini possessionum).

⁸ Пс. 54, 6.

Из-за того ее свирепое сердце пришло в столь страшную ярость, что она принялась бегать туда и сюда, к духовным и светским, в нечеловеческой злобе желая оклеветать бедного мужа, пусть даже опорочив себя, и каждому говорила, что у нее родился ребенок, и что это ребенок того самого брата. Отсюда явилось великое нестроение в людях, уверовавших в то, что она говорила, – и нестроение это было тем большим, чем дальше распространилась молва о его неслыханной святости. Пронзив, сие поразило его в самую мякоть сердца и души. Он ходил погруженный в себя самого, охваченный скорбью и горем, дни его бесконечно тянулись, а ночи были суровы, его краткий отдых был смешан с печалью. Скорбно взирая на Бога и глубоко вздыхая, он говорил: «О, Боже, пришел час моей скорби! Как вынести мне? Как смогу вынести я гнетущую тоску своего сердца? О, Боже, уж лучше бы смерть, но только не видеть позора и не слышать о нем! Господи, Господи, вот, во все дни жизни своей я возвеличивал достойное имя Твое, всюду уча многих людей его восхвалять и любить. Желает ли Ты мое имя ввергнуть в лихое бесчестие? Что за страшная напасть! Взгляни, достойному Ордену проповедников придется из-за меня поневоле подвергнуться бесчестию. Об этом я сокрушаюсь ныне и присно. О, тягота моего сердца! Все чистые люди, что прежде всем сердцем почитали меня как святого (и из-за того обо мне всюду множилась слава), нынче, увы мне, взирают на меня как на злого обманщика целого мира. Тем уязвляются и пронзаются сердце мое и душа».

Но вот, когда бедный страдалец провел в жалобах долгие дни, и жизнь начала иссякать в его плоти, к нему явилась некая особа женского пола и молвила так: «Эй, добрый государь, к чему так сильно тужить? Мужайтесь, я дам Вам совет и, если Вы его послушаетесь, то приду Вам на помощь, и для чести Вашей не будет никакого урона. Воспряньте же духом!» Он на нее посмотрел и спросил: «Ах, милая женщина, как Вы хотите это уладить?» Она отвечала: «Я спрячу ребенка у себя под одеждой, чтобы никто не увидел, а ночью похороню его заживо, или иголкой проткну ему темечко, тогда он умрет, а злая молва повсюду уляжется, и Вы останетесь при Вашей славе». Но он грозным от ярости голосом воскликнул: «Увы, злая убийца, твоему кровожадному сердцу! Задумала умертвить невинное чадо? Виновно ль оно, что его мать – злобная баба? Хочешь его живьем закопать? Нет, нет и нет, Бог того не допустит, чтобы из-за меня произошло это убийство! Посмотри, худшее, что со мной может случиться, – утрата моей временной чести. Но если бы даже моей мирской славой наполнился весь здешний край, то я и тогда скорей бы принес ее в жертву любезному Богу, чем позволить пролить невинную кровь». Она возразила: «Коль скоро этот ребенок не Ваш, какая Вам забота о нем?» и извлекла острый и похожий на иглу длинный нож со словами: «Если Вы позволите мне унести его прочь с Ваших глаз, я перережу ему глотку или воткну сей нож ему в сердце. Он вскоре умрет, а Вы успокоитесь». Он ответил: «Молчи, нечистый, исполненный злобы диавол! Кому бы сей ребенок ни принадлежал на земле, он создан по образу Божию и с великой скорбью спасен невинной кровью дражайшего Христа. Поэтому я не желаю, чтобы пролилась его юная кровь». «Если Вы не желаете предать его смерти, – возразила жена с нетерпением, – тогда, по крайней мере, позвольте как-нибудь утром в тайне от всех отнести его в храм, чтобы с ним обошлись, как с другими брошенными подкидышами. Иначе Вас ждут большие расходы и тяготы, пока мальчонка не вырастет». Он ответил: «Верую всемогущему и щедрому Богу небес, Который по сей день меня окормлял, что Он наставит меня за двоих». И сказал ей: «Ступай и принеси мне ребенка, чтобы никто не увидел, мне хочется взглянуть на него».

Когда он посадил ребеночка к себе на колени и посмотрел на него, тот ему улыбнулся. Служитель вздохнул из глубины своего сердца, промолвив: «Неужели я должен убить это милое дитя, которое мне улыбнулось? Нет, ни за что! Лучше уж выстрадать все, что выпадет на мою долю». Он нежно обратился к дитяти и произнес такие слова: «Увы, беззащитное, бедное чадо, что за несчастный ты сиротинка! Неверный отец твой от тебя отказался. Твоя лютая мать решила избавиться от тебя, как от щенка, докучливого и никчемного. Но вот, промысел Божий тебя отдал мне, так что я обязан и должен тебе стать отцом. И я это охотно исполню. Я тебя принимаю от Бога и ни от кого больше, раз Он дорог мне, то и ты станешь моим возлюбленным чадом. Ах, мое сердечное дитя! Ты сидишь у меня на коленях, мне так грустно, а ты смотришь на меня с такою любовью, а говорить еще не умеешь! Увы, и я, с моим израненным сердцем, гляжу на тебя. Глаза мои плачут, уста целуют тебя, и я орошаю твое детское личико ручьем горячих слез». Едва крупные слезы возрыдавшего мужа начали сте-

коть мальчонке на самые глазки, то и тот вместе с ним разревелся от всего сердца, и плакали оба... Увидев, что ребенок стал плакать, Служитель прижал его к самому сердцу и произнес: «Молчи, счастье мое! Ах, дитя моего сердца, неужто мне убить тебя только за то, что ты не мое, но стало моим столь горестным образом? Ах, прекрасное, милое, нежное чадо, погляди, я не принесу тебе горя. Быть тебе моим ребенком и Божьим. Покуда Бог посылает мне пропитание, я стану делить его с тобой, благому Богу во славу, и перенесу с терпением все, что бы на меня затем ни обрушилось, мое нежное чадо».

Как только та самая лютая баба, что прежде хотела ребенка убить, увидела и услышала сии слезные ласки, то ее сердце было уязвлено такой сильной жалостью, что она разразилась рыданиями и воем, и Служителю пришлось ее успокаивать из страха, что кто-нибудь явится и застанет ее в таком состоянии. Когда она вдоволь наплакалась, то он вернул ей ребенка и, благословив его, сказал так: «Ну, благослови тебя милостивый Бог и пусть святые ангелы защитят тебя от всякого зла»⁹, и велел снабжать ребенка пищей, сколько тому было необходимо.

Затем к нему опять заявила злобная баба, мать ребенка. Хотя она и [прежде] его беспощадно хулила, однако на сей раз еще больше преуспела в хуле, делая все, чем могла бы его уязвить, так что в иных чистых и добродетельных сердцах он вызывал к себе жалость. Они нередко желали, чтобы праведный Господь прибрал ее из этого мира. Раз как-то случилось, что к Служителю пришел один из его близких друзей и сказал: «Увы, государь, тому великому кощунству, что совершила злобная баба в отношении Вас. Ведает Бог, хотелось бы мне ей за Вас как следует отомстить! Я задумал спрятаться на Длинном мосту, перекинутом над водой. Когда нечестивица будет по нему проходить, я столкну ее вниз и утоплю. Так воздастся ей за кощунство, совершенное по отношению к Вам». Служитель ответил: «Нет, друг мой, Бог не хочет того, чтобы ради меня был убит живой человек! Ведомо Богу, Ему же известно все тайное, что в этом деле с ребенком она со мной поступила несправедливо. Потому-то я отдам это дело в Его руки, пускай Он по Своей воле предаст ее смерти или оставит в живых, и скажу тебе так: если бы я даже мог простить моей душе ее смерть, то все же хотел бы почитать в ней имя всех честных жен, а ее саму оставить в живых». Муж отвечал ему с раздражением: «Мне было бы безразлично, убивать мужика или бабу, если им хочется возвести на меня клевету». Он возразил: «Нет, то было бы неразумной жестокостью и непотребной дикостью. Оставь, пусть все так и будет, пускай низвергнутся все несчастья, которые по желанию Божьему мне приходится переносить».

По причине того, что беды непрерывно росли, Служителем один раз овладели слабость и малодушие; его страдание было столь велико, что он решил сам себе немного помочь, по возможности развеяв его. Оставив келью, он стал искать отрады, и особенно у двух людей, которые, когда он сидел еще наверху колеса счастья, заверяли его, что они – его верные друзья и товарищи. У них-то ему и хотелось найти радость для своего многострадального сердца. Ах, тогда Бог дал понять ему на примере обоих, что в мире нет совершенства, ибо ими обоими и их окружением, он был унижен самым болезненным образом – больше, чем ему когда-нибудь доставалось от обыкновенного люда. Первый друг принял страждущего брата крайне сурово: презрительно отведя свой взор от него, он обратился к нему в весьма колких словах, чтобы выразить все свое пренебрежение им. Среди прочего, что было сказано самым уничтожительным образом, друг дал понять брату, что впредь былого доверия между ними не будет, ведь он стыдится общения с ним. Ах, сие пронзило насквозь сердце Служителя, и он печальным голосом отвечал другу: «О, милый друг, будь ты по попущению Божьему брошен, подобно мне, на горькое посмеяние, то я, воистину, прибежал бы и по-дружески помог бы тебе! Но вот, о горе, тебе недостаточно, что среди насмешек я распростерт пред тобой, ты еще хочешь на меня поставить пяту. Приношу свою скорбь страждущему сердцу Иисуса Христа!» Друг повелел ему замолчать и брезгливо сказал ему: «С Вами покончено. Следует отвергнуть не только Ваши проповеди, но и составленные Вами книги». Служитель отвечал весьма благоговейно, возведя свой взор к небесам: «Верю благому Богу горнего мира! Мои книги будут еще дороже и желанней, чем раньше, когда настанет их время». Такое-то печальное утешение нашел он у своих лучших друзей.

---

⁹ Ср.: Быт. 48, 16.

В этом же городе вплоть до того времени, о котором следует речь, Служитель получал необходимое для жизни вспомоществование от добросердечных людей. Когда же посредством злых рассказней он был пред ними оклеветан, те из них, что поверили клеветникам, стали отказывать ему в дружбе и в помощи. [И это продолжалось до тех пор.] пока они не были призваны божественной Истинной снова обратиться к нему в сознательном обращении.

Однажды, сидя, он погрузился в тихий покой. И вот, после того, как миновали его деятельные чувства и помыслы, ему показалось, что он возведен в некую мысленную страну, и в основании его души нечто прорекло так: «Выслушай, выслушай исполненное радости слово, его же Я перед тобою прочту!» Он слегка наклонился вперед и принялся старательно слушать. Нечто стало произносить слова на латыни; то было из главы, читаемой во время молитвы девятого часа сочельника Рождества: «Non vocaberis ultra derelicta etc.», по-немецки сие звучит так: «Не будут уже тебя называть “оставленным Богом”, а твою землю – “пустынею”. Ты будешь называться: “Божья воля на ней”, и твоя земля будет возделана, ибо небесный Отец имеет благоволение к тебе»¹⁰. Вычитав эти слова, нечто начало читать их опять, и так до четырех раз. Удивленный, Служитель спросил: «Любезная, что ты имеешь в виду, многократно читая предо мною эти слова?» Он отвечал: «Сие Я делаю для того, чтобы укрепить твое доверие к Богу, Коему угодно наделять землю Своих друзей, иначе говоря, их смертную плоть, всем потребным Ему. И где у них отымеется с одной стороны, там приложится с другой в том, в чем они терпят нужду. Посему и с тобою Бог поступит по-отцовски». Воистину, все ровно так и случилось, так что иные сердца рассмеялись от радости и [те] восславили Бога, чьи очи плакали от сочувствия.

Произошедшее со страждущим мужем походило на то, как дикими животными бывает растерзан мертвый, лишенный шкурки зверек, но на нем еще остается малая толика плоти; тогда на него налетают голодные оводы и прочие насекомые, полностью обнажают обглоданные кости и разносят с собой по воздуху то, что было ими высосано. Точно так же и он был разнесен по дальним странам благопристойными, судя по внешнему виду, людьми. И такое творили они посредством добрых речей и осмотрительных увещаний, во свидетельство дружбы. Но правды в том не было. Из-за этого в его сердце однажды закралась нехорошая мысль: «Ах, милостивый Боже, пострадавший лишь от евреев, язычников либо отъявленных грешников может все как-нибудь вынести. А если терзают люди, сказывающиеся твоими добрыми друзьями, то сие приносит несравненно худшую боль». Однако, придя в себя и рассмотрев дело с подлинным смирением, он перестал их обвинять, признав, что через них действовал Бог, а ему надобно все претерпеть, и что Бог зачастую готовит Своим друзьям наилучшее посредством Своих же друзей.

Однажды – при рассмотрении разумом оных прискорбных событий – ему было сказано так: «Подумай-ка, ведь Христос, наш Господь, возжелал иметь при Себе не только любимого Им апостола Иоанна или верного святого Петра, но был согласен оставить подле Себя и злобного Иуду. А ты, желая быть последователем Христа, не хочешь терпеть при себе своего Иуду?» Но на это тотчас ответила внезапная мысль: «Увы, Боже, имей страждущий друг Божий одного только Иуду, это было бы еще терпимо. Ныне же пришли времена, что каждый уголок полон иуд, и когда отходит один, на его место приходят четверо или пятеро». На сию мысль был внутри дан такой ответ: «Для человека, если он праведен, никакой Иуда не будет в собственном смысле Иудой; сей должен стать ему соратником Божиим, посредством которого он бывает препровожден к своему наилучшему. Когда Иуда предал Христа целованием, то, назвав его Своим другом, Христос спросил: “Друг Мой etc., [для чего ты пришел]?”»¹¹

Пока несчастный сей муж долго и тяжело страдал, у него все еще оставалось маленькое утешение, бывшее опорой ему: оно состояло в том, что о его тяжелом бремени еще не было ведомо судьям и прелатам Ордена. Но и сие утешение Бог у него в скором времени отнял, ибо в тот город, где злобная баба оклеветала благочестивого Служителя Божия, вместе прибыли

¹⁰ Ис. 62, 4.

¹¹ Мф. 26, 50.

высший начальник целого Ордена и начальник, поставленный над немецкими землями¹². Когда бедный муж, проживавший тогда в другом месте¹³, услышал эту новость, в нем совсем обмерло сердце, и он подумал [в себе]: «Если магистры поверят тому, что против тебя говорит сия злая баба, то тебе конец... Они наложат на тебя такую страшную епитимью, что для тебя многим лучше была бы телесная смерть!» Томительное ожидание продолжалось целых XII дней и ночей, с часу на час он ждал наложения мучительной епитимьи, если магистры придут в то самое место.

Как-то раз, по человеческой слабости разразился он жалобами и недостойными причитаниями из-за нестроений и тягот, в коих пребывал. В скорбных сетованиях внутреннего и внешнего человека он ушел, то и дело бездонно-глубоко вздыхая, от людей в некое тайное место, где его никто не мог ни видеть, ни слышать. К глазам подступили слезы, и вот, они хлынули и потекли по щекам. От смешанного со страхом уныния он не мог успокоиться – то быстро садился, то сызнова вскакивал и бегал по комнате туда и сюда, как человек, что старается побороть скорбь и тоску. Затем, пронзив ему сердце, в нем зазвучала дрожащим и проникновенным голосом мысль: «Увы, Боже, что замыслил Ты обо мне?» Меж тем, пока он пребывал в жалобах и стенаниях, в нем прорекло нечто от Бога: «Ну, и где твое бесстрашие? Где неподвижное стояние в радости и в печали, о котором ты так часто и бойко толковал другим людям, живо представляя им, как надлежит себя целиком предать Богу и ни в чем не упорствовать?» На это он, рыдая, ответил: «Если Ты у меня спрашиваешь, где мое бесстрашие, то, ей же, и Ты мне скажи, где бездонное милосердие Божие к Его друзьям? Мне приходится здесь дожидаться, в самом себе превратившись в ничто, подобно человеку, приговоренному к смерти, утрате имущества и лишению чести. Мне казалось, что Бог благ, я-то думал, что Он – Господь, милостивый и милосердный ко всем, кто решился предать себя Ему руки. О, горе мне, Бог от меня отвернулся! Увы, благая артерия, никогда не прекращавшая источать милосердие, иссякла на мне, незадачливом человеке! О, доброе сердце, о чьей милости вопиет целый мир, оставило меня, несчастного человека, в страдании! Бог отвратил от меня Свои прекрасные очи и блаженный Свой лик. О, Божий лик, о, милостивое сердце, да мог ли я когда-нибудь ожидать, что Ты покинешь меня!? О, бездна без дна, приди мне на выручку и на помощь, иначе мне гибель! Ты же знаешь, что вся моя надежда и радость в Тебе и больше ни в ком в целом свете. Эй, услышьте ныне меня ради Бога, все страждущие сердца! Поглядите, никто не может возвести напраслины на то, как я жил, хотя все это время бесстрашие было у меня лишь на устах, и мне было сладостно о нем говорить. А ныне я поражен в самое сердце, иссякла самая суть моей крови и мозга, в теле моем не осталось ни единого члена, чтобы он не был истерзан или изранен. Как же можно меня оставлять?»

Проведя целых полдня в таких препирательствах, так что его мозг изнемог, Служитель затих. Обратившись прочь от себя к Богу, он предал себя в Его волю и изрек: «Если иначе быть не может, то fiat voluntas tua, да будет воля Твоя!»¹⁴ Покуда он так оставался сидеть в утрате всех чувств, ему явилось в видении, что пришла одна из его святых духовных дочерей и встала пред ним. Еще при жизни сия дочь часто твердила, что ему предстоит много страдать, но что Бог его от тех страдания избавит. И вот, она вновь явилась ему и дружелюбно стала его утешать. Однако он отнесся к ней с недоверием и усомнился в правоте ее слов. Она рассмеялась, подступила к нему и, протянув свою святую руку, сказала: «Поверьте моему христианскому слову вместо Божьего слова, Бог Вас не оставит, Он поможет Вам превозмочь это и все прочие Ваши невзгоды». Служитель сказал: «Взгляни, дочь, мое смятение так велико, что я не в силах поверить тебе, если только ты мне не дашь надежного знамения». Она же ответила: «Бог Вас Сам оправдает во всех благих, чистых сердцах, а злым сердцам вещи ответят в соответствии с их личной злобой, – на сие мудрому Божьему другу не подобает взирать. Что касается Ордена проповедников, о котором Вы горевали, то из-за Вас он станет Богу и всем разумным людям только удобней. И вот Вам знамение сей истины: посмотрите, Бог вскоре за Вас отомстит, вознеся Свою гневную длань над тем злокозненным сердцем, что Вас так огорчило, и оборвет жизнь той жены смертью. Да и все, кто злой клеветой ей помог

---

¹² Имеются в виду генеральный магистр доминиканского Ордена и провинциал провинции «Тевтония», прибывшие в Констанц на провинциальный капитул 1354 г.

¹³ В связи со случаем, о котором следует речь, Г. Сузо был переведен в г. Ульм, где оставался до конца своей жизни.

¹⁴ Мф. 26, 42.

больше других в этом деле, тоже скоро получат возмездие, будьте в этом уверены». Брат был сказанным изрядно утешен, он терпеливо ожидал, наблюдая, как Богу будет угодно закончить то дело.

Все на самом деле так и случилось, как предрекла духовная дочь. Изверг, столь свирепо терзавший его, в самом скором времени умер, и умер загадочной смертью. Весьма многих кроме нее, из-за кого ему пришлось тяжелее всего, также из этого мира были похищены смертью. Некоторые из них отошли в беспамятстве, другие преставились без исповеди и причастия тела Господня. Один из принесших ему много скорбей был прелатом. Явившись после кончины Служителю в видении, он сообщил, что по его милости Бог сократил ему жизнь, пребывание в сане и что ему предстоит довольно долго томиться и изнывать в покаянии.

Когда многие люди, что знали о злключениях брата и благоволили к нему, услышали о необыкновенной мести и смерти, ниспосланной Богом на его ненавистников, то они восславили Бога и сказали: «Воистину, Бог с этим добрым человеком, и мы ясно видим, что с ним поступили несправедливо. Поэтому среди нас, да и всех разумных людей, его нужно ценить еще выше за божественное блаженство, в нем пребывающее, по сравнению с тем, если бы Бог не приуготовил для него это страдание».

Так-то милостивый Бог помог Служителю в том, чтобы буря его страданий миновала и улеглась. [А случилось это] после того, как Служителя утешила в видении его святая дочь. Он часто думал: «О, Господи, сколь истинно слово, которое о Тебе говорят: “Кому благоволит Бог, тому никто не причинит вред”!»

Так же и его друг, поведший себя в этом деле неподобающим образом и прибранный в скором времени Богом, – когда друг помер, и ниспала всякая завеса, мешавшая чистому созерцанию Бога, он явился Служителю в светлом золотом одеянии, с любовью обнял его и нежно прижал свое лицо к его щеке, умоляя Служителя, чтобы он простил его за то, что он в нем усомнился, и чтобы между ними вечно сохранялась верная небесная дружба. Сие Служитель с радостью принял и дружелюбно обнял его, а тот исчез и возвратился в божественную радость.

После сего, когда в очах Божьих исполнилось время, страдалец был избавлен Богом от всяких напастей, которые когда-либо имел, награжден сердечным миром, тихим покоем и лучшейся благодатью. Он возблагодарил Бога из глубины сердца за славное страдание и говорил, что взамен того, что он перенес, ему и целого мира не нужно. Бог дал Служителю несомненно уразуметь, что посредством сего низвержения он был высажен из себя самого и пересажен в Бога, и притом благородней, чем посредством всех многообразных страданий, которые претерпел, начиная от юности и вплоть до того временем.

From editors

Dear readers! We continue publication of several chapters of the work «Vita» by H. Seuse which show his reflections, ascetic practices, wanderings and his mystagogic conception as a new stage of the Ekhart's doctrine development. The translation is made on: *Seuse H. Deutsche Schriften / Hrsg. von K. Bihlmeyer. Stuttgart, 1907.*

WANDERINGS AND TEMPTATIONS OF H. SEUSE

M.Y. REUTIN

*Institute for Higher Humanities,
Russian University
for Humanities*

e-mail: mreutin@mail.ru